

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ ШТЫКА ¹⁾.

Жри постоянной жизни среди войскъ военному врачу нельзя интересоваться только ихъ санитарнымъ состояніемъ и совсѣмъ не обращать вниманія ни на ихъ занятія, ни на ихъ оружіе. Всякій шагъ впередъ въ томъ или другомъ отношеніи такъ же радуется врача, какъ и офицера. Миѣ даже кажется, что многіе вопросы не особенно рѣдко какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ рѣшаются односторонне только потому, что они рѣшаются людьми узкой спеціальности, людьми, привыкшими къ опредѣленному дѣлу часто съ дѣтскихъ лѣтъ, привыкшими думать и дѣйствовать въ одномъ опредѣленномъ направленіи, въ тѣсныхъ, точно опредѣленныхъ рамкахъ. Это направленіе мысли и дѣятельности въ одну и ту же сторону страшная сила, когда приходится прилагать къ дѣлу существующія хорошо изученныя средства. Но это въ то же время и слабость, когда нужно по необходимости, подъ напоромъ новыхъ требованій, ломать старое и искать новыхъ путей въ томъ же, напримѣръ, военномъ дѣлѣ. Медленно, съ трудомъ старое уступаетъ новому. Часто даже и теперь тамъ или здѣсь все еще можно встрѣтить пережитки чуть ли не доисторическихъ формъ. Вотъ почему голосъ со стороны, можетъ быть и ошибочный, можетъ, если и не измѣнить что-нибудь непосредственно, то по крайней мѣрѣ возбудить вниманіе, заставить пересмотрѣть вопросъ, который казался рѣшеннымъ окончательно.

Можетъ быть многимъ приходилось читать романъ «Люди бу-

¹⁾ Сообщеніе, читанное въ собраніи офицеровъ 88-го пѣхотнаго Петровскаго полка.

дуцаго». Этихъ людей авторъ вооружилъ легкой тросточкой, при помощи которой они на большомъ разстояніи безъ звука и, конечно, безъ дыма могли не только убивать врага, но и совершенно уничтожать его при помощи силы, исходящей изъ тросточки. Эта тросточка мнѣ невольно вспоминается при обсужденіи устройства болѣе совершеннаго ружья. Ortus въ своей книгѣ «Le fusil de l'avenir» почти буквально высказываетъ тѣ же требованія къ будущему идеальному ружью, какія романистъ уже выполнилъ въ своей фантазійнѣйшей магической тросточкѣ. Штыкъ въ ружьѣ будущаго играетъ и у Ortus слабую роль.

Какъ врачъ, я невольно обратилъ вниманіе на форму нашего штыка. Почему, зачѣмъ штыкъ такой, а не другой формы? Если нужно имъ только убить человѣка даже въ условіяхъ современнаго боя, то эта форма какъ будто не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Эта мысль нѣсколько лѣтъ не даетъ мнѣ покою. Я невольно искалъ объясненій и мысли, цѣпляясь другъ за друга, побѣжали далеко, въ глубь прошлаго.

Первобытному человѣку нужно было два рода оружія: для защиты и для нападенія. Броня и щитъ служили для защиты. Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, всякая защита, которую могъ бы носить на себѣ человѣкъ, оказалась недостаточной, а потому и броня и щитъ были брошены. Если и теперь мы встречаемся съ пережитками этого оружія, то только потому, что оно нужно для красоты нѣкоторымъ исключительнымъ частямъ войскъ.

Орудіями нападенія прежде были—мечъ, копьѣ и стрѣлы. Стрѣлы никогда особеннаго боевого значенія не имѣли, но за то въ этомъ оружіи заключалась очень важная идея: бить врага издали. Эта идея, конечно, гораздо лучше осуществилась съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, хотя вначалѣ, по несовершенству ружья, луки и арбалеты довольно долго держались въ войскахъ. Что стрѣлы заключали въ себѣ идею ружья, видно изъ самаго слова *стрѣлять*, т. е. бросать, посылать стрѣлу.

Настоящимъ, дѣйствительнымъ оружіемъ прежде были мечъ и копьѣ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Съ изобрѣтеніемъ ружья на войну приходилось нести и ружье, вначалѣ очень тяжелое, и копьѣ и мечъ. Легко понять, что было естественно, чтобы копьѣ и ружье соединились въ одно оружіе—въ ружье со штыкомъ. Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ переходной ступени. Копьѣ для пѣхоты было оружіе легкое и посылалось одной рукой (дротикъ, ника). Вѣроятно потому, что оно легко ломалось, или же, при лег-

кости его, удары получались слабые, но только Густавъ Адольфъ въ 1620 году нашелъ необходимымъ замѣнить его рогатиной. Отъ рогатины до штыка былъ уже только одинъ шагъ и очень скоро этотъ шагъ былъ сдѣланъ: въ 1640 году былъ изобрѣтенъ первый штыкъ.

Это введеніе рогатины такимъ полководцемъ, какъ Густавъ Адольфъ, было очень знаменательно. Очевидно онъ сознавалъ, что прежняго копьѣ недостаточно для использованія всей физической силы, всей энергіи и всего подъема духа своихъ солдатъ. Рогатина у него играла ту же роль, какую впоследствии имѣлъ штыкъ у Суворова. Ружье со штыкомъ есть, собственно, стрѣляющая рогатина.

Но изобрѣтатель штыка захотѣлъ соединить въ своемъ новомъ оружіи не только копьѣ и ружье, но и мечъ (кинжалъ, саблю). Однако понадобилось около двухъ вѣковъ со времени изобрѣтенія ручного огнестрѣльнаго оружія до появленія штыка въ Байоннѣ въ 1640 году. Что изобрѣтатель дѣйствительно хотѣлъ соединить все три рода оружія, видно изъ слѣдующаго: штыкъ по французски называется bayonnette отъ города Байонны. Но, какъ доказываетъ Морницъ-Мейеръ въ своей книгѣ «Vorträge über Artillerie-Technik», слово bayonnette употреблялось еще въ 1576 г. для обозначенія кинжала (dolch), а не штыка. Но и безъ этой исторической справки было ясно видно, что на штыкъ разсчитывали какъ на рубящее оружіе и въ несравненно болѣе позднее время. Слѣдовательно, какъ составное оружіе, штыкъ заключалъ въ себѣ все три основныя формы. Отъ копьѣ у него осталось почти все, но только измѣненное, т. е. древко и наконечникъ и отчасти способъ имъ дѣйствовать. Кинжалъ почти въ измѣненномъ видѣ былъ воткнуть въ дуло ружья. Ружье въ совершенно томъ же видѣ замѣнило древко копьѣ или скорѣе ратовье рогатины. Свойства отдѣльныхъ составныхъ частей новаго сложнаго оружія, имѣвшаго значеніе, когда эти части дѣйствовали отдѣльно, самостоятельно, должны были претерпѣть соотвѣтствующія измѣненія, а слѣдовательно должна была измѣниться и ихъ форма. Но, какъ это обыкновенно случается съ людьми, у нихъ вещи и въ новомъ примѣненіи тяготеютъ сохранить старыя формы. То, что вошло въ составъ сложнаго ручного оружія случайно, для послѣдующихъ поколѣній стало болѣе или менѣе обязательнымъ, законнымъ, какъ введенное сознательно, съ ясно поставленной и опредѣленной цѣлью. И только крайняя необходимость заставляла вводить измѣненія. Тамъ, гдѣ не было

крайней необходимости, измѣненія вносились медленно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Такъ—первоначальный штыкъ, воткнутый въ дуло ружья, лишалъ послѣднее единственнаго его достоинства—возможности стрѣлять изъ него. Это и повлекло изобрѣтеніе трубки. Однако и на это понадобилось довольно порядочное время, а именно, 30 лѣтъ, такъ какъ трубка была изобрѣтена въ 1670 г. Теперь штыкъ хотя и былъ прикрѣпленъ съ боку и не мѣшалъ выстрѣлу, но онъ мѣшалъ заряданію, потому и была изобрѣтена шейка штыка (1700 г.). При большой тяжести ружья, удары штыкомъ при встрѣчѣ съ препятствіемъ получились настолько сильные, что штыкъ-кинжалъ легко ломался. Это однако не помѣшало французамъ сохранить такой штыкъ до самаго послѣдняго времени и только войны въ Кохинхинѣ и Сенегалѣ доказали непригодность такого штыка. Поэтому въ ружьѣ Лебеля они уже сдѣлали четырехгранный штыкъ. Другія націи ввели четырехгранный штыкъ гораздо ранѣе, причемъ, для удобства заряданія, уничтожили внутреннюю грань и получился трехгранный штыкъ. Четырехгранную форму нельзя считать новымъ изобрѣтеніемъ. Въ музеѣ Императорскаго эрмитажа можно видѣть старинныя копья съ четырехграннымъ наконечникомъ. Здѣсь введено измѣненіе—для облегченія штыка сдѣланы были долы, т. е. продольныя выемки. Съ введеніемъ заряданія съ казенной части вновь возвратились къ четырехгранному штыку и почти уничтожили шейку. Небольшая шейка оставлена потому, что на слишкомъ близкомъ разстояніи получалось *отжиганіе* штыка при выстрѣлѣ вырывающимся газомъ, и штыкъ въ этомъ мѣстѣ легко ломался.

Упорнѣе всего держится длина, а слѣдовательно и вѣсъ штыка. По всей вѣроятности первый кинжалъ, воткнутый въ дуло ружья, былъ приблизительно такой же длины, какъ нынѣшній штыкъ. Я очень сожалѣю, что ни въ музеяхъ, ни въ книгахъ мнѣ не удалось найти хотя бы подробное описаніе перваго штыка-кинжала; вотъ почему я и долженъ говорить только о вѣроятной длинѣ перваго штыка.

Та длина штыка, которая получилась отъ кинжала, держится до сихъ поръ, по моему мнѣнію, какъ пережитокъ, а не какъ необходимость, вызываемая потребностью боя. Въ литературѣ, доступной мнѣ, я не нашелъ объясненій, почему штыкъ долженъ быть такой, а не другой длины. Можетъ быть болѣе длинный штыкъ практичнѣе въ бою. Если два встрѣтятся со штыками различной длины, то при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, кто бу-

детъ побѣдителемъ? Тотъ ли, у кого болѣе длинный штыкъ? Побѣда будетъ его только въ томъ случаѣ, если враги станутъ неподвижно какъ разъ на такомъ разстояніи, чтобы при ударѣ короткій штыкъ только коснулся груди врага, а длинный вонзился въ тѣло противника какъ разъ настолько, насколько онъ длиннѣе короткаго. Возможенъ ли въ бою такой случай? Очевидно, это будетъ такое исключительное явленіе, что принимать въ расчетъ его нельзя. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣйствовать короткимъ штыкомъ будетъ удобнѣе. Длинный штыкъ сильнѣе можетъ застрять въ тѣлѣ—въ костяхъ груди, позвоночника, таза. Вообще короткій штыкъ удобнѣе вырвать и послать въ грудь новаго врага, легче имъ работать, такъ какъ онъ меньше утомляетъ. *Ortus* прямо говоритъ, что безъ штыка дѣйствовать ружьемъ гораздо удобнѣе (*tandis que sans sabre, elle etait très maniable et très bien en main*). Но разъ уже необходимъ штыкъ, то чѣмъ меньше онъ будетъ, тѣмъ лучше. Существовало мнѣніе, что длина штыка вмѣстѣ съ ружьемъ должна быть такова, чтобы кавалеристъ съ саблей не могъ нанести ударовъ пѣхотинцу, вооруженному ружьемъ со штыкомъ. Но теперь столкновеніе въ рукопашную съ конницей, это такой случай, который едва ли часто встрѣтится ¹⁾. Да кромѣ того, что можетъ значить какой-нибудь футъ разницы при стремительно несущейся конницѣ.

По существующему, кажется, общепринятому мнѣнію, причина, по которой штыкъ имѣетъ настоящую длину, та, что длина лезвія обуславливается вѣсомъ. Вѣсъ штыка въ большинствѣ образцовъ измѣняется отъ $\frac{3}{4}$ фунта до одного (отъ 300 до 450 граммъ). При такомъ вѣсѣ длина лезвія измѣняется отъ 17-ти до 20-ти дюймовъ ²⁾. Если сдѣлать его длиннѣе, то онъ будетъ гнуться и ломаться, а потому длина рассчитана такъ, чтобы штыкъ выдерживалъ извѣстную тяжесть. Совершенно вѣрно, если вѣсъ штыка принять въ $\frac{3}{4}$ фунта, или въ одинъ фунтъ, то длина должна быть отъ 17-ти до 20-ти дюймовъ. Но почему вѣсъ долженъ быть $\frac{3}{4}$ фунта или даже одинъ фунтъ?

Вполнѣ понятно, что не хорошо, если штыкъ будетъ вѣсить больше фунта. Но какое встрѣтится неудобство, если онъ будетъ вѣсить меньше? Просматривая литературу, я нигдѣ не нашелъ указаній на то, чтобы большая тяжесть штыка была благопріятна.

¹⁾ Потоцкій, «Современное ручное оружіе», стр. 222.

²⁾ Потоцкій, стр. 218.

Какъ всякая лишняя тяжесть, она бесполезно обременить солдата. Каждый граммъ, снятый съ него, есть шагъ впередъ въ дѣлѣ его вооруженія. Потоцкій прямо говоритъ, что присутствіе штыка оказываетъ замѣтное вліяніе на мѣткость, вслѣдствіе большого утомленія стрѣлка. Во многихъ европейскихъ арміяхъ производятъ стрѣльбу со всѣхъ разстояній, превышающихъ 400 шаговъ, безъ штыка. Но практика показала, что въ пылу боя солдаты забываютъ примкнуть штыкъ и это вполне понятно и естественно. Кромѣ того, опытъ показалъ, что въ теченіе кампаніи 1877—1878 годовъ не приходилось отмыкать штыка, причемъ послѣдній сохранился хорошо. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда штыкъ носился въ ножнахъ, онъ сильно ржавѣлъ и терялся. Поэтому признано неудобнымъ носить штыкъ отдѣльно отъ ружья и рѣшено производить стрѣльбу постоянно со штыкомъ, жертвуя отчасти мѣткостью. Извѣстно также, что тяжесть штыка сильно вліяетъ на направленіе пули. Въ нашихъ ружьяхъ примкнутый штыкъ отклоняетъ пулю въ лѣвую сторону, и чтобы придать ей должное направленіе, мушка въ винтовкахъ отодвинута около двухъ точекъ влѣво отъ вертикальной плоскости, проходящей черезъ ось канала ствола. Ко всему этому необходимо добавить слѣдующее соображеніе. При стрѣльбѣ ружье образуетъ рычагъ второго рода. Точка опоры — плечо стрѣлка, одна сила, лѣвая рука, поддерживающая ружье, другая — вѣсъ штыка въ точкѣ его центра тяжести. Разстояніе центра тяжести штыка отъ плеча почти втрое дальше, чѣмъ та точка, гдѣ ружье поддерживается рукой. Слѣдовательно, рука испытываетъ давленіе отъ тяжести штыка не въ $\frac{3}{4}$ ф., а $\frac{3}{4}$, умноженное на 3, т. е. $2\frac{1}{4}$ ф. (точнѣе 2 ф. 33 зол., такъ какъ штыкъ вѣситъ 75 золотниковъ). Кромѣ того большая разница — носить ли извѣстную тяжесть на плечѣ, въ опущенной рукѣ, или поддерживать ту же тяжесть вытянутой рукой. Въ первомъ случаѣ тяжесть ложится на позвоночный столбъ, во второмъ — она виситъ на связкахъ руки и почти никакія мышцы не напрягаются. Поддерживая тяжесть вытянутой рукой, мы напрягаемъ массу мышцъ и въ вытянутой рукѣ опять встрѣчаются условія рычага второго рода, увеличивая взятую тяжесть. Въ современномъ бою штыкъ приходится примѣнять очень рѣдко. Такъ, во время Франко-германской войны всѣхъ раненыхъ было 96,434. Изъ нихъ только 65 человекъ было ранено штыкомъ, т. е. 0,7⁰/₀, убито 0,4⁰/₀. Въ Русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ было ранено 56,652 человекъ, изъ нихъ 4,704

холоднымъ оружіемъ, т. е. 8,3⁰/₀¹⁾). Сдача французской арміи подъ Седаномъ произошла безъ штыкового боя. Исторія учитъ, что чѣмъ ближе къ намъ время, тѣмъ рѣже употребляется штыкъ. Германскіе писатели почти совсѣмъ отрицаютъ его значеніе²⁾. Надо думать, что все-таки будутъ встрѣчаться случаи, когда штыкъ окажется необходимымъ, хотя и рѣдко. И вотъ ради такихъ рѣдкихъ случаевъ надо носить излишнюю тяжесть все мирное время и въ продолженіе всей кампаніи. Очевидно, не безразлично, сколько будетъ вѣсить штыкъ. Разъ тяжесть штыка, какъ бы она ни была мала, всегда лишняя, то на первомъ мѣстѣ надо будетъ поставить длину штыка и примириться съ тою тяжестью, которая получится, когда будетъ точно опредѣлена необходимая длина штыка.

Теперь мы пришли къ самой существенной части нашего предмета; какова же должна быть длина штыка?

При современныхъ гуманитарныхъ стремленіяхъ всѣхъ воюющихъ, раненіе считается достаточнымъ, если солдатъ выбудетъ изъ строя, т. е. нѣтъ необходимости убить или даже растерзать человекъ. При такомъ условіи рана штыкомъ, главнымъ образомъ, въ грудь и животъ можетъ быть очень не велика. Достаточно, если она будетъ проникать въ ту или другую полость и человекъ уже не можетъ остаться въ строю. Для этого штыкъ можетъ быть длиною въ 2—3 дюйма. Но пусть это будетъ крайность. Разсмотримъ штыкъ съ точки зрѣнія нанесенія смертельной раны. Суворовъ училъ колоть въ животъ и требовалъ, чтобы штыкъ уходилъ до трубки³⁾. Раны живота, даже и не большія, по проникающія, обыкновенно смертельны. За очень рѣдкими исключеніями, животы такъ не велики и такъ уступчивы, что самый короткій штыкъ, всего въ 4 дюйма, пробьетъ человекъ насквозь, а нашъ штыкъ, уйдя до трубки, выдвинется сзади на цѣлыхъ 13 дюймовъ. Посмотримъ, что получится, если ударъ будетъ направленъ въ грудь въ самой широкой ея части, т. е. на высотѣ сосковъ.

Мною измѣрено 389 солдатскихъ грудей и средній передне-задній размѣръ получился въ 19 сантиметровъ и 26,4 сантимет. въ поперечномъ размѣрѣ. Для измѣренія взяты люди 1-й, 2-й и 3-й ротъ, сапожники, музыканты, охотничья и учебная команды въ

¹⁾ Май-Маевскій. «Работа штыкомъ въ современномъ бою». Военный Сборникъ 1898 г., №№ 7 и 8.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Югановъ. «Объ употребленіи въ бою штыка». Военный Сборникъ 1895 г., №№ 5 и 6.

осениемъ ихъ составѣ. Изъ нихъ 132 человекъ имѣютъ размѣръ груди болѣе 19-ти сант., изъ которыхъ 93 имѣютъ по 20-ти сант., 31 — по 21 сант. Следовательно, только восемь человекъ или $2,06\%$ имѣютъ болѣе 21 сант. Очевидно, что такой процентъ принимать во вниманіе нельзя, а нужно взять 21 сантиметръ за предѣлъ, которымъ нужно руководствоваться при вычисленіи длины штыка. Если прибавить къ этому одинъ сантиметръ на одежду, то 22 сантиметра будетъ крайній размѣръ. Переводя на дюймы, мы получимъ $8\frac{1}{2}$ дюймовъ. Следовательно, если штыкъ уйдетъ до трубки, то онъ выйдетъ сзади на $8\frac{1}{2}$ дюймовъ. Но человеческая грудь эластична и при ударѣ такого тяжелаго оружія навѣрное подается болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ дюйма, т. е. штыкъ выйдетъ сзади на 10 дюймовъ! И это у самыхъ великорослыхъ солдатъ и въ самой широкой части груди. Что же случится съ малорослыми, изъ которыхъ состоитъ большинство солдатъ. Какое значеніе въ штыкѣ могутъ имѣть эти 10 дюймовъ? Будетъ ли отъ нихъ рана смертельна? Очевидно нѣтъ. Будетъ ли штыкъ длиною въ $8\frac{1}{2}$ дюймовъ или въ 3 аршина, значеніе раны будетъ совершенно одинаково.

Мало этого. Если мы обратимся къ анатоміи грудной клѣтки и возьмемъ поперечный разрѣзъ ея по атласу нашего знаменитаго Пирогова, который распилывалъ замороженные трупы, то увидимъ, что смертельная рана получится, если будетъ ранено сердце, или крупныя кровеносныя сосуды, или спинной мозгъ. Чтобы штыкъ могъ разрушить ихъ, онъ можетъ быть $6\frac{1}{2}$ дюймовъ. Всякая другая рана не такъ опасна, если даже она будетъ сквозная.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется совершенно яснымъ, что для нанесенія смертельной раны необходимъ штыкъ никакъ не болѣе 7-ми дюймовъ. Можетъ быть мнѣ возразятъ, что это чисто теоретическія соображенія. Да, теоретическія, но, какъ видно изъ предыдущаго, основанныя на точныхъ данныхъ. Но допустимъ это возраженіе и посмотримъ на практику.

Конечно, средневѣковые рыцари и наши войска до Петра Великаго въ практикѣ нанесенія ранъ холоднымъ оружіемъ были гораздо опытнѣе насъ, потому что тогда никакихъ другихъ ранъ не наносилось. И вотъ, разсматривая старинное оружіе въ Эрмитажѣ, въ артилерійскомъ музеѣ, я встрѣтилъ много копій и протазановъ, имѣющихъ поперечную перекладину самой разнообразной формы. Конецъ копья до поперечины имѣетъ 10—12 дюймовъ. Но встрѣчаются и меньшей длины. Такъ, въ Эрмитажѣ я видѣлъ протазанъ временъ Алексѣя Михайловича, лезвіе котораго было только

въ 4 дюйма длиною. Мнѣ при видѣ такихъ копій представилось три объясненія: первое—такой длины наконечника копья рыцарямъ было достаточно, чтобы нанести смертельную рану; второе—дальнѣйшее проникновеніе копья въ тѣло считалось не меньшей мѣрѣ излишнимъ; и третье—врага нужно было не только ранить, но и опрокинуть. Послѣ сообщенія мнѣ возражали, что поперечина нужна была для того, чтобы копье не ушло слишкомъ глубоко и чтобы его легко было вытащить—иначе рыцарь оказался бы обезоруженнымъ. Я охотно ставлю это возраженіе въ число доводовъ въ подтвержденіе моихъ мыслей.

Требованіе Суворова всаживать штыкъ до трубки также обусловливалось желаніемъ опрокинуть врага, такъ какъ даже на штыкѣ врагъ часто продолжаетъ биться или, какъ выражался Суворовъ—«царанаться». Во Франціи, во времена Людовика XIII и ранѣе, были въ модѣ дуэли. Тогда составилось выраженіе, что для смертельной раны достаточно *six pouces de fer dans le corps*, т. е. достаточно 6-ти-дюймовой раны. Не только копья и протазаны, но я нашелъ въ артилерійскомъ музеѣ даже ружья съ болѣе короткими штыками. Такъ, я нашелъ ружье временъ Елизаветы Петровны, штыкъ котораго былъ длиною въ 7 дюймовъ. Офицерская фузея временъ Петра III снабжена была штыкомъ въ $5\frac{1}{2}$ дюймовъ. Следовательно, и практика многихъ вѣковъ показываетъ, что можно обойтись съ лезвіемъ не болѣе 7 дюймовъ.

Если примѣрить полученный штыкъ въ 7 дюймовъ къ существующей трубкѣ, то послѣдняя окажется несоразмѣрно велика. Очевидно, что для укрѣпленія болѣе короткаго и легкаго штыка нѣтъ необходимости имѣть трубку, а можно употребить другой способъ прикрѣпленія, болѣе легкій и достаточно прочный. Для этого нѣтъ надобности придумывать что-либо новое, и можно взять за образецъ хотя бы французское ружье. Способъ прикрѣпленія французскаго штыка подробно описанъ у Потоцкаго (стр. 221). Полученный такимъ образомъ штыкъ вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ будетъ вѣсить около 15-ти золотниковъ, т. е. на 60 золотниковъ или $\frac{2}{3}$ фунта меньше, чѣмъ существующій штыкъ. Для вычисленія я взялъ конецъ существующаго штыка въ 7 дюймовъ и прибавилъ еще два дюйма того же штыка на его прикрѣпленіе, т. е. взялъ конецъ штыка въ 9 дюймовъ. Но въ этомъ видѣ штыкъ не пригоденъ солдату ни на что, кромѣ боя. Штыковой же бой происходитъ теперь рѣдко. Нельзя ли тогда сдѣлать изъ него что-либо полезное, не лишая его и боевого значенія. Каждому сол-

дату необходимъ въ его походной жизни обыкновенный ножъ: отрѣзать хлѣбъ, мясо, починить одежду, обувь и т. п. Ножъ длиною въ 7 дюймовъ легко можетъ быть сдѣланъ достаточной прочности. Какой формы онъ долженъ быть—это уже частность, которой я касаться не буду. Онъ также все время долженъ носиться прикрѣпленнымъ къ ружью и сниматься только въ случаѣ надобности. Отъ обѣихъ измѣненій выигрышь будетъ громадный. Нечего будетъ считаться съ отклоненіемъ пули, вслѣдствіе тяжести штыка. Солдаты не будутъ обременены излишней тяжестью, которая передъ боемъ можетъ быть замѣнена соответствующимъ количествомъ патроновъ. Стрѣльба не будетъ терять въ мѣткости отъ тяжести штыка. Думаю, что и дѣйствовать имъ въ бою будетъ удобнѣе.

Въ добавленіе ко всему, я не вижу причины, почему бы не помѣстить штыкъ не сбоку, а снизу ружья. Тогда уже онъ совершенно не будетъ вліять на отклоненіе пули, да не къ чему будетъ заботиться о наклонѣ лезвія, такъ какъ тогда прямое направленіе его оси пересѣчетъ ложу въ шейкѣ, или же пересѣчетъ прикладъ тамъ, гдѣ устроено будетъ приспособленіе для того, чтобы можно было брать ружье правой рукой за конецъ для штыковаго боя. Что все это возможно и достижимо, доказываетъ рисунокъ ружья системы Ли-Медфорда обр. 1889 года, помѣщенный въ руководствѣ Будаевского на 97-й страницѣ.

Граненый штыкъ остался еще у французовъ и нѣмцевъ.

У французовъ штыкъ длиною 51	сант.	+ ружье 129=180
» нѣмцевъ	» 46 ¹ / ₂	сант. + ружье 123=169 ¹ / ₂
» русскихъ	» 43	сант. + ружье 130=173
» англичанъ Ли-Медфорда тесака	длинною 30 (11,° д.)	+ ружье 126=156
» румынъ тесака	длинною 24 ¹ / ₂ (9 ³ / ₄ д.)	+ ружье 122=146 ¹ / ₂

Тесака имѣется также въ австрійскомъ ружьѣ въ 10 дюймовъ и въ англійскомъ Кракк-Юргенсона въ 8¹/₂ д. У италіанцевъ—тесака. Даже нѣмцы кромѣ граненаго штыка имѣютъ также тесака. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ большинствѣ армій пришли къ заключенію, что нуженъ короткій штыкъ-ножъ. Зачѣмъ же намъ еще держаться нашего штыка, форма котораго есть остатокъ старыхъ случайно принятыхъ взглядовъ.

Докторъ Н. Дюбъ.

